

Бестселлер №1 по версии Amazon.com

Five Nights at Freddy's

УЖАСЫ ФАЗБЕРА

В БАССЕЙН!

СКОТТ КОУТОН, ЭЛЛИ КУПЕР

Скотт Коутон
Элли Купер
Пять ночей у Фредди:
Ужасы Фазбера. В бассейн!
Серия «Пять ночей у Фредди /
Five Nights at Freddy's»
Серия «Fazbear Frights /
Ужасы Фазбера», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67103319
Скотт Коутон, Элли Купер Ужасы Фазбера. В бассейн!:
ISBN 978-5-04-164454-3

Аннотация

Чего вы хотите больше всего на свете? Это вопрос, на который Освальд, Сара и Милли знают ответ. Освальд хотел бы, чтобы лето не было таким скучным, Сара хотела бы быть красивой, а Милли хотела бы стать незаметной. Но во Вселенной Five Nights at Freddy's самые сокровенные желания имеют неожиданную цену...

Содержание

В бассейн!	6
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Скотт Коутон, Элли Купер

Ужасы Фазбера

В бассейн!

Серия «Five Nights at Freddy's»

Scott Cawthon, Elley Cooper

FIVE NIGHTS AT FREDDY'S: FAZBEAR FRIGHTS #1:
INTO THE PIT

Copyright © 2019 by Scott Cawthon. All rights reserved.

Published by Arrangement with SCHOLASTIC INC., 557

Broadway,

New York, NY 10012 USA

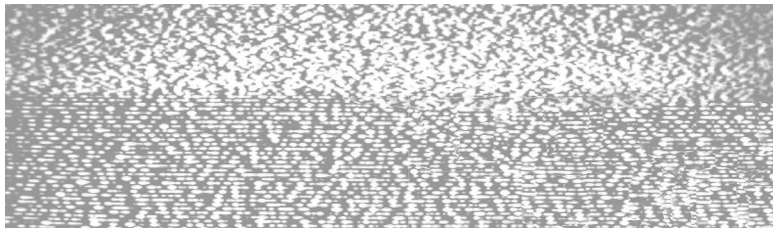
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2022

* * *

Five Nights at Freddy's

УЖАСЫ ФАЗБЕРА

В бассейн!

– Дохлый опоссум всё ещё тут.

Освальд выглянул из окна машины и посмотрел на серый мохнатый трупик на обочине. Почему-то он казался ещё более мёртвым, чем вчера. Должно быть, это из-за прошедшего ночью дождя.

– Нет ничего мертвее на вид, чем дохлый опоссум, – ответил папа Освальда.

– Не считая этого города, – пробормотал Освальд, разглядывая заколоченные двери и витрины, в которых виднелась только пыль.

– Что-что? – спросил папа. Он уже надел дурацкий красный жилет, который нужно носить на работе в «Закусочном космосе». Ну почему он не мог этого сделать уже после того, как довезёт Освальда до школы?

– Этого города, – уже громче повторил Освальд. – Этот

город на вид ещё мертвее, чем дохлый опоссум.

Папа засмеялся.

– Ну, с этим, пожалуй, не поспоришь.

Три года назад, когда Освальду было семь лет, здесь на самом деле было чем заняться: кинотеатр, магазин настольных и карточных игр, кафе-мороженое с потрясающими вафельными стаканчиками. Но потом закрыли фабрику. Фабрика, по сути, была единственной причиной существования города. Папа Освальда потерял работу, как и мамы и папы сотен других детей. Многие уехали из города, в том числе семья Бена, лучшего друга Освальда.

Семья Освальда осталась, потому что мамина работа в больнице оставалась вполне стабильной, а слишком далеко от бабушки они уезжать не хотели. Так что папа нашёл работу на неполный день в «Закусочном космосе», где платили на пять долларов в час меньше, чем на фабрике, а Освальд всё это время наблюдал, как город умирает. Заведения погибали одно за другим, словно органы в умирающем теле: больше ни у кого не было денег ни на кино, ни на игры, ни на потрясающие вафельные стаканчики.

– Ты рад, что сегодня последний день учёбы? – спросил папа. Это один из тех вопросов, которые всегда задают взрослые, вместе с «Как прошёл день?» или «Ты зубы почистил?».

Освальд пожал плечами.

– Наверное. Но после того, как Бен уехал, делать тут нечего. В школе скучно, и дома скучно.

– Когда мне было десять, я летом домой не приходил, пока меня не звали на ужин, – сказал папа. – Я катался на велосипеде, играл в бейсбол и попадал во всяческие переделки.

– Ты хочешь сказать, что мне надо попасть в переделку? – спросил Освальд.

– Нет, я хочу сказать, что тебе надо *веселиться*.

Папа остановился возле Вестбрукской начальной школы.

Веселиться. Легко сказать...

Освальд прошёл через двойные двери школы и чуть не врезался прямо в Дилана Купера – уж кого ему сейчас видеть не хотелось, так это его. Дилану, напротив, очень даже хотелось видеть Освальда, потому что он сразу же широко ухмыльнулся. Дилан был самым высоким мальчиком в пятом классе, и ему явно нравилось возвышаться над своими жертвами.

– О, это же Освальд-оцелот! – воскликнул он, и его ухмылка, как ни удивительно, стала ещё шире.

– Шуточка никогда не устареет, да? – Освальд прошёл мимо Дилана и с облегчением понял, что мучитель не собирается его преследовать.

Когда Освальд и его одноклассники ещё ходили в детский сад, по одному из детских каналов шёл мультфильм о большом розовом оцелоте по имени Освальд. В результате Дилан и его приятели тут же прозвали Освальда «Оцелотом», и кличка прочно к нему привязалась. Дилан был из тех ребят, кто мог прицепиться к чему угодно, что отличало тебя от остальных.

Если бы у Освальда было другое имя, Дилану бы наверняка не понравились его веснушки или вихры.

В этом году обзывательства стали гораздо хуже, когда на уроке истории США они узнали, что человека, который застрелил президента Кеннеди, звали Ли Харви Освальд. Уж лучше пусть Освальда зовут оцелотом, а не убийцей.

Поскольку сегодня был последний учебный день, учиться по большому счёту никто и не пытался. Миссис Мичэм вчера разрешила ученикам принести с собой любые электронные устройства – с оговоркой, что школа не несёт никакой ответственности, если они что-то потеряют или сломают. Это объявление значило, что никакой реальной работы на уроках не будет.

У Освальда не было никакой современной электроники. Нет, дома был ноутбук, но им пользовалась вся семья, и носить его в школу, естественно, не разрешали. Мобильный телефон у него тоже был, но самой жалкой и устаревшей модели, и Освальд не хотел даже доставать его из кармана, потому что отлично понимал: если его увидит хоть кто-то из одноклассников, то тут же поднимет на смех. Так что пока другие ребята играли на планшетах или переносных консолях, Освальд просто молча сидел.

Когда просто сидеть уже стало невыносимо, он достал блокнот и карандаш и начал рисовать. Он не был лучшим художником в мире, но рисовал достаточно хорошо, чтобы можно было понять, что именно изображено, а ещё Освальд-

ду нравилась некоторая мультяшность получавшихся рисунков. Впрочем, больше всего ему нравилось рисование потому, что он мог полностью в нём раствориться. Он словно проникал на бумагу и становился частью сцены, которую создавал. Отличный способ сбежать от реальности.

Он не знал почему, но в последнее время часто рисовал механических животных – медведей, кроликов, птиц. Освальду представлялось, что они размером с людей и двигаются дёргано, как роботы в старых фантастических фильмах. Снаружи они были мохнатыми, но под мехом прятался жёсткий металлический скелет с шестернями и микросхемами. Иногда он рисовал металлические скелеты без всякой оболочки или делал наброски, в которых шкура немного сдвинута в сторону, и под ней видны механические детали. Эффект получался страшноватый, словно видишь, как из-под кожи торчит череп человека.

Освальд настолько увлёкся рисованием, что даже вздрогнул, когда миссис Мичэм отключила свет, чтобы показать кино. Кино всегда было последней отчаянной попыткой учительницы хоть как-то поддержать порядок в последний день перед каникулами – дети хотя бы посидят последние полтора часа сравнительно тихо и спокойно, прежде чем разбежаться по своим летним делам. Фильм, выбранный миссис Мичэм, был, по мнению Освальда, слишком детским для пятиклассников: кино о ферме с говорящими животными, которое он уже смотрел. Но Освальд посмотрел его ещё раз, потому что

делать было больше нечего.

На перемене ребята встали в кружок и, перебрасывая друг другу мяч, рассказывали, что собираются делать летом.

– Я поеду в футбольный лагерь.

– А я поеду в баскетбольный лагерь.

– Я буду плавать в общественном бассейне.

– А я уеду к бабушке и дедушке во Флориду.

Освальд сидел на скамейке и слушал. Его не ждали никакие лагерь, бассейны или поездки, потому что у них не было денег. Так что он будет дальше рисовать, играть в старые видеоигры, которые уже прошёл по тысяче раз, и, может быть, ходить в библиотеку.

Если бы Бен остался в городе, всё было бы по-другому. Даже если бы они делали всё то же самое, что и раньше, они хотя бы делали бы это вместе. А ещё Бен всегда мог заставить Освальда рассмеяться, изображая персонажей из игр или идеально имитируя голос кого-нибудь из учителей. Им с Беном было весело, чем бы они ни занимались. Но теперь его ждало лето без Бена – скучное, долгое и пустое.

Мама Освальда почти каждый день работала с двенадцати дня до двенадцати ночи, так что ужин готовил папа. Обычно они разогревали что-нибудь замороженное вроде лазаньи или курицы в тесте, или же ели мясную нарезку и картофельный салат из «Закусочного космоса», которые были ещё пригодны для еды, но уже непригодны для продажи. Когда папа

всё-таки что-то готовил, обычно он ограничивался продуктами, которые просто надо кинуть в кипящую воду.

Пока папа готовил ужин, Освальд должен был кормить Порчу, их крайне избалованную чёрную кошку. Освальд часто думал, что для того, чтобы открыть банку с вонючей кошачьей едой для Порчи, нужно примерно столько же кулинарного таланта, сколько папе – для того, чтобы приготовить им ужин.

Сегодня Освальд с папой сидели с тарелками макарон с сыром из синих коробок и консервированной кукурузой, которую папа разогрел в микроволновке. Ужин получился очень жёлтым.

– Знаешь, я тут подумал, – сказал папа, выдавливая кетчуп на макароны с сыром. («Зачем он это делает?» – спросил себя Освальд.) – Я знаю, ты уже достаточно взрослый, чтобы сидеть дома одному, но мне не хочется, чтобы ты сидел один целый день, пока мы с мамой работаем. Я тут подумал: может быть, я с утра буду увозить тебя в город и высаживать возле библиотеки. Ты сможешь там почитать, посёрфить в инете...

Этого Освальд уже пропустить мимо ушей не мог. Насколько папа вообще отстал от жизни?

– Никто больше не говорит «посёрфить в инете», пап.

– А вот и говорит, я ведь только что сказал. – Папа насадил на вилку макароны. – *В общем*, я подумал, что по утрам тебе можно будет сидеть в библиотеке. Как проголодаешься,

сходи в «Пиццу Джеффа», купи кусок пиццы и газировку, а в три часа, когда у меня закончится смена, я тебя заберу.

Освальд задумался над папиным предложением. «Пицца Джеффа» была какая-то странная. Не то чтобы грязная, но очень неухоженная. Винил на сиденьях в кабинках залепили скотчем, а от меню над прилавком отвалилось несколько пластиковых букв, так что там значились такие интересные блюда, как *пепперон* и *ам ургер*. Судя по всему, когда-то «Пицца Джеффа» была куда больше и круче, чем сейчас. Немалая часть торгового зала оставалась незадействованной, а на стенах была целая куча пустых розеток. В дальней части зала виднелась небольшая сцена, хотя там никто не выступал – даже вечеров караоке не устраивали. Странное место – унылое и совсем не такое, как раньше. Собственно, как и весь город.

Впрочем, пицца там была неплохая, и, что ещё важнее, это было единственное место в городе, где вообще подавали пиццу (если не считать ту, что продавали в отделе замороженной еды в «Закусочном космосе»). Немногие хорошие рестораны в городе, в том числе «Пицца Джино» и «Пицца Марко» (в отличие от «Пиццы Джеффа», в названиях этих ресторанов значились имена тех, кто на самом деле готовил пиццу), закрылись вскоре после фабрики.

– Значит, ты мне дашь денег на пиццу? – спросил Освальд. После того, как папа потерял работу, карманных денег Освальд практически не получал.

Папа улыбнулся – довольно грустно, как показалось Освальду.

– Сынок, мы плохо живём, но не настолько, чтобы я не мог дать тебе три пятьдесят на кусок пиццы и газировку.

– Ладно, – сказал Освальд. Сказать «нет» тёплому, липкому куску пиццы с сыром очень трудно.

Поскольку завтра в школу идти уже не надо, да и вообще школы теперь долго не будет, Освальд не стал ложиться, когда папа ушёл спать. Он посмотрел старое японское кино про монстров, а на коленях у него, мурлыкая, свернулась клубочком Порча. Освальд видел уже немало малобюджетных японских ужастиков, но вот этого, «Зендреликс против Мехазендреликса», раньше ещё не смотрел. Как и всегда, Зендреликс напоминал гигантского дракона, но вот Мехазендреликс показался ему похожим на механических животных без меха, которых он рисовал в блокноте. Он смеялся над спецэффектами – поезд, который разломал Зендреликс, явно был игрушечным, – и над тем, как движения губ актёров совершенно не соответствовали английскому дубляжу. Впрочем, как и обычно, Освальд болел за Зендреликса. Несмотря на то, что это был просто какой-то парень в резиновом костюме, выразительности ему было не занимать.

Перед сном он попробовал посчитать поводы для радости. Бена рядом нет, зато есть фильмы о монстрах, библиотека и пицца на обед. Лучше, чем ничего, но всё лето на этом, конечно, не продержаться. «Пожалуйста, – пожелал он, крепко

зажмурившись. – Пожалуйста, пусть произойдёт что-нибудь интересное».

Освальда разбудили запахи кофе и бекона. Без кофе он, пожалуй, мог и обойтись, но вот бекон пах просто потрясающе. За завтраком он проводил время с мамой – иногда до выходных он вообще с ней и виделся только по утрам. Сходив по необходимым делам, он торопливо добежал до кухни.

– Смотрите-ка! Проснулся мой будущий шестиклассник!

Мама стояла у плиты, одетая в пушистый розовый халат; светлые волосы она заплела в хвостик... ух ты, а это что такое? Блинчики!

– Привет, мам.

Она раскрыла объятия:

– Я требую утренних обнимашек.

Освальд вздохнул, словно это его раздражало, но потом подошёл и обнял её. Папе он всегда говорил, что уже слишком большой для обнимашек, но вот маме никогда не отказывал. Может быть, всё потому, что с мамой в будни он почти не виделся, а вот с папой они проводили вместе столько времени, что иногда начинали действовать друг другу на нервы?

Он знал, что мама скучает по нему и очень жалеет, что ей приходится так много работать. Но ещё он знал, что папа работает в «Закусочном космосе» неполный день, так что именно из-за того, что мама работает так много, им ещё уда-

ётся расплачиваться по счетам. Мама всегда говорила, что взрослая жизнь – это битва между временем и деньгами. Чем больше денег ты зарабатываешь, чтобы оплачивать счета и покупать всё необходимое, тем меньше у тебя времени на семью. Найти баланс очень трудно.

Освальд сел за кухонный стол и поблагодарил маму, когда она налила ему апельсиновый сок.

– Первый день летних каникул, а?

Мама вернулась к плите и ловко подхватила блинчик лопаткой.

– Ага.

Наверное, надо отвечать с бóльшим энтузиазмом, но у него просто нет на это сил.

Она положила блинчик ему на тарелку, а сверху – две пороски бекона.

– Без Бена всё не так, да?

Он покачал головой. Плакать он не собирался.

Мама потрепала его волосы.

– Знаю. Это печально. Но, слушай, может быть, сюда переедет кто-нибудь новенький, и ты с ним подружишься.

Освальд с сомнением посмотрел в её полное надежды лицо.

– Зачем сюда вообще кому-то переезжать?

– Ну, я тебя понимаю, – сказала мама, подкладывая ему ещё блинчик. – Но никогда не знаешь, что получится. Вдруг тут уже живёт кто-нибудь прикольный, а ты его просто не

знаешь?

– Может быть, но что-то я сомневаюсь, – сказал Освальд. – А вот блинчики в самом деле классные.

Мама улыбнулась и снова потрепала его волосы.

– Ну да, у меня хорошо получается. Хочешь ещё бекона? Если да, то хватай скорее, пока не пришёл папа и весь его не умял.

– Конечно.

Одним из главных принципов Освальда было «Никогда не отказывайся от ещё одной порции бекона».

В библиотеке даже оказалось довольно весело. Он нашёл последнюю книгу из любимой научно-фантастической серии и интересную на вид мангу. Как и всегда, компьютеров пришлось ждать целую вечность, потому что их занимали люди, которые выглядели так, словно им некуда больше идти: мужчины с жидкими бородёнками, одетые в несколько слоёв замызганной одежды, исхудавшие женщины с печальными глазами и больными зубами. Он вежливо ждал своей очереди, понимая, что некоторые из них днём сидят в библиотеке, чтобы была хоть какая-нибудь крыша над головой, а ночь проводят на улицах.

«Пицца Джеффа» осталась такой же странной, как он помнил. Большое пустое пространство за кабинками и столами напоминало танцпол, где никогда никто не танцевал. Стены были выкрашены в бледно-жёлтый цвет, но, судя по

всему, не то краску взяли дешёвую, не то красили всего одним слоем, потому что под ней всё ещё виднелись силуэты прежних изображений. Наверное, это было какое-то панно с людьми или животными, но сейчас от него остались лишь тени под тонкой завесой жёлтой краски. Иногда Освальд пытался понять, что же там изображено, но силуэты были слишком бесформенными.

А ещё там была сцена, на которую никто не выходил. Она стояла пустой, но словно чего-то ждала. Впрочем, в дальнем правом углу была штука и постранный, чем сцена: большой прямоугольный бассейн, окружённый жёлтой сеткой и отгороженный лентой с надписью «Не пользоваться». Сам бассейн был заполнен красными, синими и зелёными пластиковыми шариками; когда-то они наверняка были яркими, но сейчас выцвели и покрылись пылью.

Освальд знал, что бассейны с шариками когда-то были очень популярны в детских игровых зонах, но сейчас они уже все исчезли из гигиенических соображений – в самом деле, кто будет дезинфицировать все эти шарики? Освальд не сомневался: если бы бассейны всё ещё были популярны в его детстве, мама ни за что бы его туда непустила. Будучи лицензированной практикующей медсестрой, мама всегда с удовольствием указывала ему на места, где играть нельзя, потому что там слишком много микробов, а когда Освальд жаловался, что она вообще не даёт ему повеселиться, она отвечала: «Знаешь, что совсем не весело? Конъюнктивит».

Не считая пустой сцены и бассейна с шариками, самым странным в «Пицце Джеффа» был сам Джефф. Он, похоже, работал в пиццерии в одиночку, так что сам и принимал заказы, и готовил пиццу, но народу обычно собиралось немного, так что проблемы это не составляло. Сегодня, как и всегда, Джефф выглядел так, словно не спал уже с неделю. Его тёмные волосы беспорядочно торчали, а под налитыми кровью глазами виднелись угрожающего вида мешки. Его фартук был перепачкан пятнами томатного соуса – как свежими, так и застарелыми.

– Чего тебе приготовить? – спросил он у Освальда скучающим тоном.

– Кусок пиццы с сыром и апельсиновую газировку, пожалуйста, – сказал Освальд.

Джефф посмотрел вдаль, словно задумался, разумна ли вообще эта просьба. В конце концов он ответил:

– Хорошо. Три пятьдесят.

Что можно точно сказать о любой пицце Джеффа, так это то, что она огромная. Джефф подавал куски пиццы на тонких белых бумажных тарелочках, которые быстро пропитывались жиром, а уголки треугольников всё норовили вылезти за их пределы.

Освальд устроился в кабинке с пиццей и газировкой. Первый кусочек – вершина треугольника – всегда был самым вкусным. Пропорции вкусов в нём почему-то всегда были идеальными. Освальд смаковал тёплый расплавленный сыр,

терпкий соус и приятную, жирную корку. Жуя, Освальд разглядывал других немногочисленных посетителей. Двое механиков с автосервиса сложили свои куски пиццы пепперони пополам и ели их как сэндвичи. За другим столом сидела группка офисных работников и неуклюже пыталась есть пластиковыми вилками и ножами – наверное, чтобы не забрызгать соусом галстуки и блузки, решил Освальд.

Доев свой кусок, Освальд очень хотел купить ещё один, но денег у него больше не было, так что, вытерев жирные пальцы, он достал библиотечную книгу. Неспешно потягивая газировку, он начал читать, погрузившись в мир, где дети с тайными силами ходили в особую школу, где их обучали бороться со злом.

– Эй, парень, – мужской голос оторвал Освальда от чтения.

Подняв голову, он увидел Джеффа в перепачканном соусом фартуке. Освальд решил, что, должно быть, уже слишком засиделся. Он читал в кабинке уже часа два, купив еды меньше чем на четыре доллара.

– Да, сэр? – спросил Освальд. Вежливость никогда не вредила.

– У меня осталась пара кусков пиццы с сыром, которые никто не купил на обеде. Хочешь?

– Эх, – протянул Освальд. – Нет, спасибо, у меня больше нет денег.

Хотя, конечно, пиццы ему очень хотелось.

– Это бесплатно, – сказал Джефф. – Всё равно пришлось бы выбрасывать.

– О, хорошо. Да, конечно. Спасибо.

Джефф взял пустой стаканчик Освальда.

– Раз уж на то пошло, принесу тебе ещё немного газировки.

– Спасибо.

Забавно. Лицо Джеффа вообще не менялось. Он выглядел усталым и замученным, даже когда был очень добр.

Джефф принёс два куска пиццы, сложенных на бумажной тарелке, и стакан апельсиновой газировки.

– Вот, парень, – сказал он, поставив тарелку и стакан на стол.

– Спасибо.

Освальд на минуту задумался: может быть, Джефф его жалует? Думает, что он *ужасно* беден, как те бездомные, что целыми днями сидят в библиотеке, а не *просто* беден и едва сводит концы с концами, как на самом деле?

Но потом Освальд решил, что раз уж перед ним бесплатная пицца, то не надо задумываться о том, с чего тебе решили её дать. Лучше просто взять и съесть.

Освальд без особых трудностей съел два огромных куска пиццы. В последний месяц аппетит у него стал просто зверский. Готовя по утрам целую стопку блинчиков, мама говорила, что у него, должно быть, начался скачок роста, поэто-

му он и ест как не в себя.

Когда он допил газировку, в кармане завибрировал телефон. Сообщение от папы: «Буду у Джеффа через 2 мин.».

Время просто идеально выбрано. День вышел отличный.

Дни в библиотеке и «Пицце Джеффа» вскоре стали похожи один на другой. В первую пару недель всё было здорово, но следующей книги из его любимой серии в библиотеке не нашлось, а фэнтезийная онлайн-игра уже наскучила: рекламировали её как бесплатную, но сейчас он никак не мог продвинуться дальше, не заплатив. Освальд устал оттого, что не может погулять ни с кем из ровесников. От пиццы он пока не устал, но, скорее всего, в ближайшем будущем и до этого дойдёт.

Сегодня был Вечер Семейного Веселья – событие, которое происходило примерно раз в неделю, в зависимости от маминого рабочего графика. Когда фабрика была ещё открыта, Вечер Семейного Веселья обозначал ужин в ресторане – китайском, мексиканском или итальянском. А после ужина они занимались чем-нибудь весёлым вместе. Они даже ходили в кино, если шёл какой-нибудь детский фильм, а если нет, то играли в боулинг или катались на роликовых коньках на том самом катке, куда папа с мамой бегали на свидания в старших классах школы. Мама и папа отлично катались, а Освальд – ужасно, но они обычно ездили по обе стороны от него, поддерживая за руки. Ну а заканчивалось

всё в кафе-мороженом в центре города, где все покупали себе по вафельному рожку. Освальд и мама всегда смеялись над папой: с каким бы вкусом ни продавалось в тот день мороженое, ему всегда доставалось ванильное.

А вот после закрытия фабрики Вечер Семейного Веселья превратился в чисто домашнее мероприятие. Мама готовила на ужин что-нибудь простое, но праздничное, например, тортильи или хот-доги. Они ели, потом играли в настольные игры или смотрели кино на диске, взятом напрокат в «Ред-Боксе». Было, конечно, всё равно весело, но иногда Освальд скучал по старым денькам, когда они смотрели новые фильмы в кинотеатре и ели после этого мороженое, а папа каждый раз после этого напоминал, что Важнее Всего – То, Что Они Проводят Время Все Вместе.

Иногда, когда погода позволяла, они всё-таки устраивали Вечер Семейного Веселья на улице: складывали в корзину для пикника мясную нарезку и салаты из «Закусочного космоса» и отправлялись в городской парк. Они ужинали за деревянным столом и наблюдали за белками, птицами и енотами. А потом они отправлялись на прогулку по одной из туристических троп. Такие прогулки всегда были приятны, но Освальд отлично понимал, почему Вечера Семейного Веселья проходят на улице только в хорошую погоду: за пикник не надо платить.

Сегодня они сидели дома. Мама приготовила спагетти и чесночный хлеб. Они сыграли партию в «Клуэдо», которую,

как обычно, выиграла мама, а потом завалились на диван в пижамах с большой миской попкорна и стали смотреть ремейк старого фантастического фильма.

Когда кино закончилось, папа сказал:

– Ну, фильм, конечно, неплохой, но не так хорош, как настоящий.

– Что значит «как настоящий»? – спросил Освальд. – Это же настоящая версия.

– На самом деле – нет, – сказал папа. – Нет, действие, конечно, происходит в той же вселенной, что и настоящая версия, но это скорее дешёвая копия того, что я смотрел в детстве.

Папа всегда очень упрямо отстаивал своё мнение. Он не мог просто что-нибудь посмотреть и сказать «мне понравилось».

– Значит, лучшие фильмы – это только те, которые ты смотрел в детстве? – спросил Освальд.

– Не всегда, но в данном случае – да.

Папа готовился оседлать одного из своих любимых коньков: затеять хороший спор.

– Но спецэффекты в оригинальной версии – отстой полный, – сказал Освальд. – Все эти куклы и резиновые маски.

– Я предпочту любую куклу или модель компьютерной графике, – сказал папа, откидываясь на спинку дивана и закидывая ноги на кофейный столик. – Там всё такое гладкое и ненастоящее. Нет ни теплоты, ни текстуры. Да и вообще,

ты любишь старые фильмы о Зендреликсе, а уж там спецэффекты просто ужасные.

– Да, но я смотрю их, чтобы посмеяться, – ответил Освальд, хотя на самом деле Зендреликс ему искренне нравился.

С кухни пришла мама с мороженым в тарелках. Конечно, это далеко не вафельные рожки, но нос от него воротить тоже не стоит.

– Так, ребята, если вы не прекратите свои фанатские споры прямо сейчас, то следующий фильм выбираю я. И это будет *романтическая комедия*.

Освальд с папой тут же умолкли.

– Вот, то-то и оно, – сказала мама, раздавая им мороженое.

Освальд лежал в кровати и снова рисовал своих механических животных, и тут на прикроватном столике завибрировал телефон. Лишь один человек, не считая родителей, посылал ему текстовые сообщения.

– Эй, – написал Бен на экране.

– И тебе эй, – написал Освальд. – Как лето?

– Круто. Родители поехали в отпуск в Миртл-Бич. Тут так клёво. Везде игровые автоматы и мини-гольф.

– Завидую, – вполне искренне ответил Освальд. Пляж с игровыми автоматами и мини-гольфом – что может быть круче?

– Хочу, чтобы ты тоже приехал, – написал Бен.

– Я тоже.

– А у тебя как лето?

– Норм, – написал Освальд. На мгновение ему захотелось написать, что лето у него куда круче, чем на самом деле, но Бену он врать не мог. – Часто хожу в библиотеку, обедаю в «Пицце Джеффа».

– И всё?

Да, звучало как-то жалко в сравнении с семейной поездкой на пляж.

– В общем, да, – написал он.

– Жаль, – ответил Бен, потом следующим сообщением добавил: – Эта пиццерия жуткая.

Они ещё немного поболтали, и, хотя Освальд был рад пообщаться с Беном, вместе с тем ему было и грустно – друг уехал очень далеко и сейчас так хорошо веселился без него.

В понедельник утром настроение у Освальда было отвратительное. Даже мамины блинчики не помогли. В машине папа слишком громко включил радио; там играла какая-то дурацкая песня о тракторе. Освальд потянулся к крутилке громкости и сделал потише.

– Эй, дружок, музыку в машине выбирает водитель. Ты же знаешь, – сказал папа и включил ужасную песню ещё громче.

– Это плохая музыка, – сказал Освальд. – Я пытаюсь спасти тебя от тебя же.

– Ну а мне не нравятся песни из видеоигр, которые ты слушаешь, – ответил папа. – Но я не врываюсь в твою комнату, чтобы их выключить.

– Ага, – сказал Освальд. – Но, с другой стороны, я тебя их слушать не заставляю.

Папа сделал потише.

– Что с тобой такое, сынок? Тебя же явно беспокоит не то, что мне нравится кантри?

Освальду не очень хотелось говорить, но папа явно хотел его заставить. И, едва открыв рот, он даже сам удивился, когда жалобы хлынули из него, словно лава из извергающегося вулкана:

– Я уже задолбался. Каждый день проходит одинаково. Вчера мне писал Бен. Он в Миртл-Бич, замечательно проводит время. Он спросил, как у меня дела, и я ответил, что каждый день хожу в библиотеку и «Пиццу Джеффа», и знаешь, что он после этого написал? «Жаль», а потом – «Эта пиццерия жуткая».

Папа вздохнул.

– Прости, но мы не можем съездить в отпуск и замечательно провести время, Оз. У нас сейчас трудно с деньгами. Прости, что это отражается на тебе. Ты ребёнок. Ты не должен беспокоиться из-за денег. Надеюсь, осенью меня возмут работать в магазин на полный день. Это очень поможет, а если меня ещё и повысят до менеджера отдела деликатесов, то я буду получать на полтора доллара в час больше.

Освальд понимал, что говорить то, что он собирается сказать, не стоит, но всё же не сдержался:

– Папа Бена нашёл работу, за которую платят даже лучше, чем раньше платили на фабрике.

Папа крепче стиснул руль.

– Ага, ну да. А ещё папе Бена пришлось переехать в город за пятьсот миль отсюда, чтобы найти эту работу. – Его голос был напряжён не меньше, чем руки на руле, и Освальд сразу понял, что он стиснул зубы. – Мы с мамой много об этом говорили, но решили не переезжать – здесь живёт твоя бабушка, и иногда ей нужна помощь. Это наш дом, парень, здесь, конечно, не всё идеально, но надо брать всё лучшее, что здесь есть.

Освальд понял, что переходит границу между обычным ворчанием и злобой. Почему одним достается всё лучшее, а другим надо довольствоваться бесплатными визитами в библиотеку и дешёвой пиццей?

– И поэтому ты каждый день выкидываешь меня на улицу, как мусор. Если это лучшее, что здесь есть, я боюсь увидеть худшее!

– Сынок, тебе не кажется, что ты как-то уже переигрываешь...

Освальд не желал дальше слушать отцовские возражения. Он выскочил из машины и хлопнул дверью.

Папа поспешно уехал – наверняка радуясь, что избавился от него.

Как и ожидалось, в библиотеке по-прежнему не было нужной книги. Освальд перелистал несколько журналов с экзотическими животными из джунглей на обложке, которые обычно ему нравились, но сегодня что-то не радовали. Когда его наконец пустили за компьютер, он надел наушники и посмотрел несколько видео на «Ютубе», но смеяться у него настроения не было.

На обед, как обычно, он взял в «Пицце Джеффа» кусок пиццы с сыром и газировку. Каждый день пицца с сыром. Если бы папа не был таким прижимистым, то дал бы ему ещё доллар на пиццу с пепперони или колбасками. Но нет, денег хватает только на самую дешёвую пиццу. Да, денег у них мало, но неужели из-за лишнего доллара в день они прогорят?

Оглядевшись, Освальд решил, что Бен прав. «Пицца Джеффа» действительно жуткая. Закрашенные фигуры-тени на стенах, пыльный, заброшенный бассейн с шариками. Если подумать, то и сам Джефф тоже какой-то жутковатый. Выглядит, словно ему лет сто, хотя на самом деле, наверное, не больше тридцати. Вечно налитые кровью глаза с обвисшими веками, фартук в пятнах, медленно ходит, медленно говорит... этот повар точно не зомби?

Освальд вспомнил утренний спор с папой. Скоро папа напишет ему, чтобы он вышел на улицу и сел в машину. Но сегодня всё будет иначе. Сегодня папе придётся выйти и поискать его.

И здесь есть одно идеальное место, чтобы спрятаться.

Освальд залезет в бассейн с шариками.

Бассейн в самом деле оказался отвратительным. Его явно никто не трогал много лет; пластиковые шарики были покрыты серой, пушистой грязью. Но, спрятавшись тут, он замечательно подшутит над папой. Папе, который всегда высаживал его, а потом забирал, словно чью-то одежду из химчистки, придётся на этот раз выйти из машины и походить своими ногами. Освальд вовсе не собирался облегчать ему задачу.

Освальд разулся. Да, бассейн с шариками отвратительный, но, по крайней мере, если он в него залезет, сегодняшний день будет хоть чем-то отличаться от всех предыдущих.

Он забрался в бассейн и почувствовал, как шарики раздвигаются в разные стороны под его весом. Он пошевелил руками и ногами. Это немного напоминало плавание – если, конечно, в сухих пластиковых шариках можно плавать. Освальд нашёл опору на дне ямы. Некоторые шарики оказались покрыты чем-то липким, но он старался не думать почему. Если он хочет перехитрить отца, то надо залезть на самое дно.

Он сделал глубокий вдох, словно собрался нырять в настоящий бассейн с водой, и опустился на колени, оказавшись в шариках по самую шею. Ещё подпрыгнув, он сумел прилечь на пол, и шарики накрыли его с головой. Они раздвинулись достаточно широко, чтобы не было душно, но темнота всё равно вызывала клаустрофобию. В бассейне воняло

пылью и плесенью.

«Конъюнктивит, – слышал он в воображении мамин голос. – Точно подхватишь конъюнктивит».

Запах с каждой секундой становился всё невыносимее. Пыль щекотала нос. Освальд почувствовал, что сейчас чихнёт, но шарики не дали ему вовремя прикрыть рукой нос. Он чихнул трижды, каждый раз ещё громче предыдущего.

Освальд не знал, ищет ли его уже папа, но если ищет, то чихающий бассейн с шариками, скорее всего, уже выдал его местоположение. Да и вообще, тут слишком темно и отвратительно. Надо подняться и глотнуть свежего воздуха.

Он встал, и на него обрушилась лавина громких звуков – писк электроники, крики и смех детей.

Глазам понадобилось несколько секунд, чтобы приспособиться к окружающему яркому свету, вспыхивающим лампочкам и насыщенным цветам. Оглядевшись, Освальд пробормотал:

– Тотошка, похоже, мы уже не в Канзасе.

Стены были уставлены блестящими игровыми автоматами, в которые, по папиным рассказам, тот играл в детстве: «Миссис Пакмэн», «Данки Конг», «Фроггер», «Кьюберт», «Галага». В освещённой неоновыми лампами машине-когте лежали плюшевые синие существа, похожие на эльфов, и оранжевые мультяшные коты. Он оглядел бассейн и понял, что окружён маленькими детишками, а сами пластиковые шарики стали до странности чистыми и яркими. Он возвы-

шался над дошкольниками, словно гигант. Выбравшись из бассейна, он попытался найти кроссовки, но не смог.

Встав в носках с пальцами на разноцветный ковёр, Освальд огляделся. Вокруг сновала куча ребят его возраста и младше, но они заметно отличались от него. Волосы у всех были уложенными и пышными, а мальчики носили водолазки таких цветов, которые нынешние парни не надели бы и под страхом смерти, вроде розового и аквамаринового. Причёски девочек были просто невероятно огромными, с чёлками, торчавшими ото лба, словно когти; они носили топики пастельных цветов, идеально подходившие к такого же цвета кроссовкам. Цвета, лампы, звуки – все его чувства оказались перегружены. А что это за музыка такая?

Освальд огляделся, чтобы понять, откуда она звучит. В дальней стороне зала на маленькой сцене стояло трио аниматронных животных; они моргали огромными пустыми глазами, открывали и закрывали рты и синхронно покачивались взад-вперёд, играя шумную, раздражающую песенку. Животные – бурый медведь, синий кролик с красным галстуком-бабочкой и девушка-птица – напомнили Освальду о механических зверях, которые он часто рисовал в последнее время. Разница была одна: звери на его рисунках были не то милыми, не то жутковатыми, он никак не мог решить.

А вот эти были однозначно жуткими.

Но, как ни странно, дюжина детишек, окруживших сцену, явно так не считала. Они были одеты в яркие шляпы с изоб-

ражениями этих персонажей, танцевали, смеялись и вообще замечательно проводили время, отмечая чей-то день рождения.

Когда до Освальда донёсся запах пиццы, он окончательно всё понял.

Он по-прежнему в «Пицце Джеффа», или, если точнее, в заведении, которое стало «Пиццей Джеффа» после того, как его купил Джефф. Бассейн с шариками был совсем новым, и его никто не отгородил, во все розетки на стене были включены игровые автоматы, и... он повернулся к левой стене. На ней красовалось панно, которое в «Пицце Джеффа» покрашено жёлтой краской – те самые персонажи, что «выступали» на сцене: бурый медведь, синий кролик, девушка-птица. Под их лицами была надпись: «Пицца Фредди Фазбера».

У Освальда похолодело в животе. Как это произошло? Он знал, где находится, но не знал, *когда* и как вообще сюда попал.

Кто-то врзался в него, и он подпрыгнул выше, чем, наверное, стоило бы. Поскольку он почувствовал физический контакт, это явно был не сон. Освальд никак не мог решить, хорошая это новость или нет.

– Извини, чувак, – сказал мальчик примерно его возраста, одетый в светло-жёлтую водолазку с отвёрнутым воротником, заправленную в старомодные джинсы. Белые кроссовки на его ногах были огромными, словно клоунские туфли. Он выглядел так, словно очень долго делал себе причёску. – Ты

в порядке?

– Ага, ну да, – ответил Освальд. На самом деле он не был в этом слишком уверен, но не знал, с чего начать объяснять ситуацию.

– Я тут тебя раньше не видел, – сказал мальчик.

– Ага, – ответил Освальд, пытаясь придумать объяснение, которое не прозвучало бы слишком странно. – Я просто сюда приехал... на каникулы к бабушке на несколько недель. Но место отличное. Все эти старые игры...

– *Старые* игры? – недоумённо переспросил мальчик. – Ты прикалываешься, что ли? Не знаю, что популярно там, где ты живёшь, но во «Фредди» всегда стоят самые новые игровые автоматы. Вот почему к ним такие очереди.

– А, ну да, я просто пошутил, – сказал Освальд, потому что больше тут сказать было нечего.

Он слышал много папиных рассказов о том, как *тот* в детстве часто играл в эти игры. Абсурдно сложные, говорил он, на них уходила куча времени и денег.

– Я Чип, – сказал мальчик, приглаживая пышные волосы. – Мы с моим другом Майком, – он кивнул на высокого чернокожего паренька в огромных очках и рубашке в широкую красно-синюю полоску, – собирались поиграть в скибол. Хочешь с нами?

– Конечно, – сказал Освальд. Поиграть с другими ребятами было бы классно – даже если это ребята из другого времени. Он понимал, что это не сон, и ситуация была очень

странной.

– А тебя-то как зовут? – спросил Майк, разглядывая Освальда, словно какую-то диковинку.

– А, да. Я Освальд. – Он был настолько потрясён происходящим, что даже забыл представиться.

Майк дружелюбно хлопнул его по плечу.

– Предупреждаю тебя, Освальд. Я настоящий зверь в скиболе. Но тебе буду немного поддаваться, раз уж ты новенький.

– Спасибо, что пощадил, – сказал Освальд и пошёл за ребятами к установке для скибола.

По пути они прошли мимо человека в кроличьем костюме, очень похожем на аниматронного кролика на сцене, только жёлтом. Никто больше на этого «кролика» внимания не обращал, так что Освальд тоже решил ничего не говорить. Должно быть, это работник «Пиццы Фредди Фазбера» переоделся, чтобы развлекать детишек на чьём-то дне рождения.

Майк не шутил, когда говорил, что в скиболе он настоящий зверь. Он легко обыграл и Чипа, и Освальда по три раза, но не стал над ними подтрунивать; всю игру они смеялись и шутили. Освальду было приятно, что его приняли в игру.

Но после ещё пары партий Освальд забеспокоился. Сколько сейчас на самом деле времени? Сколько уже папа его ищет? И как вернуться в реальную жизнь? Нет, он, конечно, хотел немного попугать папу, но не настолько, чтобы тот на самом деле перепугался и вызвал полицию.

– Эй, ребята, мне пора бежать, – сказал Освальд. – Бабушка...

Он чуть не сказал «прислала мне СМС», но вовремя осёкся: Чип и Майк точно не поймут, о чём он. Где бы он ни был, мобильные телефоны ещё не изобрели.

– Бабушка должна забрать меня через несколько минут.

– Ладно, чувак, может, ещё потом встретимся, – сказал Чип.

Майк кивнул и помахал ему.

Освальд отошёл от новых приятелей подальше в угол и задумался, что делать дальше. Он попал в какое-то магическое пространство, опаздывает домой и потерял кроссовки. Словно мальчик-Золушка, только без кареты.

Как вернуться? Можно, конечно, выйти через парадный вход «Пиццы Фредди Фазбера», но куда он тогда попадёт? Папина машина, конечно, ждёт его перед пиццерией – но не в этом времени. Даже не в этом десятилетии.

И тогда его осенило. Может быть, выбираться нужно так же, как попал сюда? В бассейне с шариками мама объясняла двум маленьким детишкам, что пора идти. Они пытались спорить, но мама включила Строгий Мамин Голос и пригрозила уложить спать пораньше. Как только детишки вылезли из бассейна, туда тут же забрался Освальд.

Он погрузился с головой до того, как кто-либо успел заметить, что в бассейне слишком высокий ребёнок. Как долго там надо сидеть? На всякий случай он решил досчитать до

ста, а потом встать.

Поднявшись, он оказался в пыльном, отгороженном лентой бассейне в «Пицце Джеффа». Он выбрался и увидел, что его кроссовки стоят на прежнем месте. А потом в кармане завибрировал телефон. Освальд достал его и прочитал: «Буду через 2 мин.».

Здесь время вообще не двигалось?

Он вышел из пиццерии. Джефф крикнул «Пока, парень!» ему вслед.

– Отлично выглядит, мам, – сказал Освальд, втыкая вилку в жареную колбаску.

– Ты сегодня в хорошем настроении. – Мама положила ему в тарелку вафлю. – Совсем не как вчера, когда ты был Мистером Ворчуном.

– Ага, – сказал Освальд. – Просто сегодня в библиотеку наконец-то привезут новую книжку.

Это было правдой, но не причиной его хорошего настроения. Впрочем, реальную причину он, конечно же, рассказать не мог. Если бы он сказал «Я нашёл в «Пицце Джеффа» бассейн с шариками, через который можно путешествовать во времени», мама бы бросила вафли и побежала бы звонить первому попавшемуся детскому психологу.

Освальд взял книгу в библиотеке, но читать не стал – ему слишком не терпелось попасть в «Пиццу Джеффа». Он при-

шёл туда прямо к открытию, в одиннадцать часов.

Джефф был на кухне, так что Освальд сразу бросился к бассейну.

Он скинул кроссовки, влез в бассейн и погрузился в шарики с головой. Поскольку в прошлый раз это сработало, он решил досчитать до ста, прежде чем подняться.

Группа аниматроников «играла» странную дребезжащую песню, которую частично заглушали писк, гудки и звон игровых автоматов. Он обошёл весь зал; там стояли видеоигры, «Ударь крота», освещённые неоновыми лампами высасыватели жетонов, в которых можно было выиграть (но скорее всего – нет) несколько билетиков, если нажать кнопку в нужное время. Старшие ребята толпились возле видеоигр. Малыши лазали по разрисованной карандашами игровой площадке. «*Конъюнктивит*», – подумал Освальд, хотя говорить об этом ему точно было не с руки – после того, как он уже пару раз лазил в бассейн с шариками.

Всё выглядело так же, как и вчера. Он даже увидел на стене календарь и наконец понял, в каком же году оказался: 1985.

– Эй, это же Освальд!

На этот раз Чип добавил к своему ансамблю из джинсов и гигантских кроссовок водолазку светло-голубого цвета. Волосы в причёске были уложены идеально.

– Эй, Оз, – сказал Майк, одетый в футболку с фильмом «Назад в будущее». – Тебя кто-нибудь так раньше называл?

Ну, как Волшебника из Страны Оз?

– Теперь называют, – широко улыбнулся Оз. Вместо самого одинокого и скучного лета за всю жизнь он получил двух новых друзей – и прозвище. Да, это всё происходит в середине восьмидесятых, но кого интересуют такие мелочи?

– Эй, – сказал Чип, – мы только что заказали пиццу. Хочешь? Мы заказали большую и не сможем столько съесть.

– За себя говори, – ответил Майк с ухмылкой.

– Ладно, – сказал Чип, – давай скажем так: мы взяли больше, чем нам *можно* есть. Пойдёшь с нами?

Освальду стало очень интересно, насколько пицца от Фредди Фазбера отличается от пиццы Джеффа.

– Конечно. Спасибо.

На пути к столу они прошли мимо человека в том же самом жёлтом кроличьем костюме, что и вчера; он стоял неподвижно как статуя. Чип и Майк либо его не видели, либо игнорировали, так что Освальд решил тоже не обращать внимания. Но зачем вот так прятаться в углу? Если он работает в ресторане, то ведёт себя очень странно.

Когда они сели за столик, молодая женщина с пышными светлыми волосами и синими тенями на веках подала им большую пиццу и графин газировки. На фоне по-прежнему играла группа аниматроников. Пицца была с пепперони и колбасой, корочка приятно хрустела – куда лучше, чем та, которую приходилось есть у Джеффа, с одним сыром.

– Знаете, – сказал Майк, прожевав очередной кусочек, –

когда я был маленьким, я обожал группу Фредди Фазбера. У меня даже был плюшевый Фредди, с которым я спал ночью. А теперь смотрю на эту сцену и на эти штуки, и жуть берёт.

– Странно, а? Когда ты маленький, тебе что-то нравится, а как подрастаешь, начинаешь пугаться, – Чип взял себе ещё один кусок пиццы. – Клоунов, например.

– Ага, или кукол, – сказал Майк. – Иногда я смотрю на кукол моей сестрёнки, которые сидят на полке в её комнате, и мне кажется, что они на меня таращатся.

«Или на того парня в жёлтом костюме кролика», – подумал Освальд, но ничего не сказал.

Расправившись с пиццей, они поиграли в скибол. Майк снова разгромил их, но, опять же, не стал дразниться. Освальд больше не беспокоился из-за времени, потому что здесь оно шло иначе, чем в его часовом поясе. После скибола они поиграли в настольный хоккей. Освальд оказался на удивление приличным игроком и даже сумел один раз обыграть Майка.

Когда жетоны закончились, Освальд поблагодарил ребят за то, что они с ним поделились, и сказал, что они снова скоро увидятся. Распровавшись, Освальд дождался, пока никто не будет смотреть в его сторону, и исчез в бассейне.

Тусовки с Чипом и Майком стали регулярными. Сегодня они даже в игры не играли. Просто сидели в кабинке, пили газировку и болтали, пытаясь игнорировать надоедливую

музыку аниматроников.

– Знаешь, какое кино мне понравилось? – спросил Чип. Его водолазка сегодня была персикового цвета. Освальду нравилось общаться с новым другом, но у него есть хоть одна водолазка цвета, в который не красят пасхальные яйца? – «Вечная песнь».

– Серьёзно? – спросил Майк, поправляя на носу огромные очки. – Такой скучный фильм! По-моему, «Вечная песнь» – просто идеальное название, потому что мне казалось, что кино вообще никогда не закончится!

Они все засмеялись, а потом Чип спросил:

– А тебе оно как, Оз?

– Я его не смотрел, – сказал Освальд. Он часто так отвечал в разговорах с Чипом и Майком.

Освальд постоянно слушал их разговоры о любимых фильмах и сериалах. Когда они упоминали незнакомое название, Освальд, вернувшись домой, искал его в Сети. Он составил целый список фильмов восьмидесятых, которые хотел посмотреть, и проверил телепрограмму на цифровом видеоманитоне – вдруг что-то из этого покажут в ближайшее время. Освальд старался участвовать в разговорах Чипа и Майка, насколько мог. Он чувствовал себя студентом-иностранцем, приехавшим по обмену. Иногда приходилось просто притворно улыбаться, кивать и со всем соглашаться, чтобы не выдать себя.

– Чувак, тебе надо чаще выходить из дома, – сказал

Майк. – Не хочешь как-нибудь сходить в кино со мной и Чипом?

– Было бы круто, – ответил Освальд, ибо а что ещё ему было ответить? *На самом деле я из далёкого будущего, и мне кажется, что в 1985 году вы сможете меня встретить только в пиццерии Фредди Фазбера.* Ребята подумают, что это он так прикалывается над Майком, потому что его любимый фильм – «Назад в будущее».

– Назови какой-нибудь фильм, который тебе реально нравится, – сказал Чип Освальду. – Хочу понять твои вкусы.

У Освальда вообще всё разом вылетело из головы. Какое там кино было популярно в восьмидесятых?

– Э-э-э... «Инопланетянин».

– «Инопланетянин»? – Майк со смехом шлёпнул ладонью по столу. – «Инопланетянин» вышел года три назад. Тебе реально надо чаще выходить из дома! В твоём городе что, кинотеатров нет?

«Есть, – подумал Освальд. – А ещё есть «Нетфликс», и «Плейстейшн», и «Ютуб», и соцсети». Но вслух он этого не сказал.

Конечно, о технике, которую обсуждали Чип и Майк, Освальд тоже имел довольно смутное представление – видеомagnetофоны, бумбоксы, кассетники. И ему приходилось постоянно напоминать себе, что не надо упоминать мобильные телефоны, планшеты и интернет. Он старался не надевать футболки с персонажами и фразами, которые могут

показаться непонятными для ребят или других посетителей «Пиццы Фредди Фазбера» в 1985-м.

– Ага, надо тебя осовременивать, – сказал Чип.

«Если бы вы только знали...» – подумал Освальд.

– Эй, хочешь поиграть? – спросил Майк. – Скибол зовёт меня, но я буду поддаваться, обещаю.

Чип засмеялся.

– Нет, не будешь. Ты нас просто порвёшь.

– Ребят, вы идите, – сказал Освальд. – А я посижу за столом.

– И что? Будешь смотреть шоу? – спросил Майк, кивком показывая на жутковатых персонажей на сцене. – Что-то не так? Если тебе внезапно начала нравиться музыка Фредди Фазбера, тебе нужна помощь, и как можно скорее.

– Нет, всё нормально, – ответил Освальд, хотя на самом деле «что-то» действительно было не так. В первые несколько визитов в «Пиццу Фредди Фазбера» 1985 года он даже не задумывался о том, что, по сути, пользуется щедростью Чипа и Майка, потому что никаких денег с собой не брал. Да и если бы он не был таким бедным в своём часовом поясе, смог бы он вообще расплатиться своими деньгами в 1985-м? Быть бедным сразу в двух десятилетиях – это совсем печально.

Наконец он сказал:

– Мне не нравится брать у вас деньги – у меня-то вообще ничего нет.

– Эй, чувак, да всё зашибись, – сказал Чип. – Мы даже и

не замечаем.

– Ага, – ответил Майк, – мы просто подумали, что бабушка не даёт тебе денег. Моя бабушка, например, вообще мне денег не даёт, только на день рождения.

Ребята были очень участливы, но Освальду всё равно стало неловко. Если уж они сами говорят, что у него нет денег, значит, они всё заметили.

– Может быть, я просто поторчу рядом, пока вы играете? – спросил Освальд.

Вставая, он почувствовал странную тяжесть в карманах. Там вдруг оказалось что-то такое тяжёлое, что джинсы грозили свалиться. Освальд сунул руки в карманы и вытащил оттуда две горсти игровых жетонов «Пиццы Фредди Фазбера» 1985 года. Он всё выкладывал и выкладывал их, пока на столе не образовалась внушительная горка.

– Или можем поиграть на эти жетоны, – сказал он. Что только что произошло, он объяснить не мог. – Наверное, я просто забыл, что надел эти джинсы... я же в них как раз оставил кучу жетонов.

Чип и Майк удивлённо глянули на него, но потом ухмыльнулись и начали складывать монеты в пустые стаканы из-под газировки.

Освальд сделал то же самое. Раз уж всё так странно, удивляться не надо ничему, решил он. Как ему в карманы попали жетоны – непонятно, но, с другой стороны, как он сам сюда попал, понятно было ещё меньше.

С утра, когда папа вёз его в библиотеку, Освальд спросил:

– Пап, а сколько тебе было в восемьдесят пятом?

– На пару лет больше, чем тебе, – ответил папа. – И, не считая бейсбола, я тогда думал только об одном: сколько четвертаков истрачу на игровые автоматы. А что?

– Да ничего особенного, – сказал Освальд. – Я тут просто кое-какую информацию собираю. «Пицца Джеффа»... до того, как стать «Пиццей Джеффа», она была залом игровых автоматов, да?

– Да, была. – Папин голос звучал как-то странно, может быть, даже нервно. Помолчав несколько секунд, он сказал: – Но зал закрылся.

– Как и всё остальное в этом городе, – сказал Освальд.

– Вроде того, да, – ответил папа, останавливаясь у библиотеки.

Может быть, Освальду это только показалось, но папа, похоже, очень обрадовался, что они уже доехали и не нужно дальше отвечать на его вопросы.

Ровно в одиннадцать часов Освальд по привычке отправился в «Пиццу Джеффа». Самого Джеффа нигде поблизости не было, так что Освальд пошёл к бассейну. Досчитав до ста, он поднялся. Послышался шум, но не такой, как обычно в «Пицце Фредди Фазбера». Крики. Детский плач. Мольбы о помощи. Топот быстро бегущих людей. Хаос.

Чип и Майк здесь? С ними всё в порядке? А с остальными

– в порядке?

Освальд боялся. В глубине души он хотел спрятаться обратно в бассейн и исчезнуть, но он боялся за друзей. А ещё его снедало любопытство – что же тут происходит? Хотя, конечно, он отлично понимал, что происходит что-то ужасное.

Ему не грозит опасность, напомнил он себе, потому что это прошлое, время ещё до того, как он родился. Его жизни же не может ничего угрожать там, где его ещё даже не существует, правильно?

По животу разлился неприятный холодок; он проталкивался через толпу, мимо плачущих мам, которые бежали, прижимая к себе малышей, мимо отцов с шокированными лицами, которые крепко держали детей за руки и быстро тащили их к выходу.

– Чип? Майк? – позвал он, но друзей нигде не было видно. Может быть, они не пришли сегодня в «Пиццу Фредди Фазбера». Может быть, они в безопасности.

Освальд был испуган, но вместе с тем твёрдо уверен, что ему обязательно нужно знать, что происходит. Он пошёл в направлении, противоположном всем остальным посетителям, чувствуя, как на него накатываются всё более сильные волны ужаса.

Перед ним стоял человек в жёлтом костюме кролика... если, конечно, это вообще был человек. Кролик открыл дверь с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА» и скрылся за ней.

Освальд последовал за ним.

Коридор был длинным и тёмным. Кролик посмотрел на него пустыми глазами, ни на мгновение не прекращая ухмыляться, и пошёл дальше вниз по коридору. Освальд не гнался за кроликом. Он давал ему показать себе дорогу, словно это какая-то ужасная версия «Алисы в Стране чудес», и они спускаются вниз по кроличьей норе.

Кролик остановился перед дверью с надписью «КОМНАТА ДЛЯ ВЕЧЕРИНОК» и поманил Освальда внутрь. Освальд дрожал от страха, но любопытство оказалось сильнее, и отказать он не сумел. «К тому же, – всё думал он, – ты не сможешь со мной ничего сделать. Я ещё даже не родился».

Когда Освальд вошёл в комнату, ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что именно он видит, и ещё несколько секунд, чтобы это осознать.

Возле стены, украшенной изображениями талисманов пиццерии: ухмыляющегося медведя, синего кролика и девушки-птицы, сидели полдюжины детей не старше Освальда; их безжизненные тела припёрли к стене, а ноги вытянули вперёд. У одних глаза были закрыты, словно они спали, у других – открыты, и они смотрели на Освальда безжизненным взглядом кукол.

И все они были одеты в шляпы, которые дети носили на днях рождения в «Пицце Фредди Фазбера».

Освальд не знал, как они умерли, но точно понимал, что убийца – кролик, а его он сюда привёл полюбоваться своим «искусством». Может быть, кролик хотел, чтобы Освальд

стал его следующей жертвой и сел рядом с остальными, смотря в пространство невидящим взглядом?

Освальд закричал. Жёлтый кролик бросился на него; он выскочил из комнаты и побежал обратно по чёрному коридору. Возможно, кролик может причинить ему вред, а возможно – и нет. Так или иначе, Освальду совершенно не хотелось проверять.

Он бежал по опустевшему залу игровых автоматов к бассейну с шариками. Снаружи к крикам Освальда присоединился визг полицейских сирен. Кролик бежал за ним, подбравшись так близко, что его мохнатая лапа даже коснулась спины Освальда.

Освальд прыгнул в бассейн и как можно быстрее досчитал до ста.

Поднявшись, он услышал голос Джеффа:

– Вот этот мелкий вонючка!

Освальд повернулся и увидел отца, громко топавшего в его сторону. Джефф стоял поодаль, наблюдая. Папа был разъярён, да и Джефф выглядел не особо счастливым – впрочем, как и всегда.

Освальд стоял неподвижно – он был слишком потрясён, чтобы двигаться.

Папа схватил его за руку и вытащил из бассейна.

– Ты вообще о чём думал, когда прятался в этой жуткой старой штуке? – спросил он. – Ты что, не слышал, как я тебя звал?

После того, как Освальд выбрался, папа склонился над бассейном.

– Смотри, как тут грязно. Мама...

Из бассейна высунулись жёлтые руки и потащили папу вниз.

Борьба выглядела бы откровенно мультяшной, если бы не была настолько пугающей. Папины ноги в коричневых рабочих башмаках поднялись над поверхностью и снова погрузились; потом появилась пара больших жёлтых мохнатых ног и тоже исчезла. Шарик в бассейне шёл волнами, словно бурное море, а потом всё стихло. Из бассейна вылез жёлтый кролик, поправил фиолетовый галстук-бабочку, отряхнулся и, ухмыляясь, повернулся к Освальду.

Освальд отступил на шаг, но кролик тут же оказался рядом с ним, обхватил его рукой за плечи и повёл к выходу.

Освальд посмотрел на Джеффа, стоявшего за прилавком. Может быть, Джефф ему поможет? Но Джефф с обычным унылым выражением лица лишь сказал:

– До завтра, ребята.

Как Джефф... как вообще хоть кто-нибудь мог считать происходящее нормальным?

Выведя Освальда на улицу, кролик открыл пассажирскую дверь папиной машины и затолкнул его внутрь.

Освальд смотрел, как кролик пристёгивается и заводит машину. Он попытался открыть дверь, но кролик уже включил с водительского места запирающий механизм.

Кролик ухмылялся во весь рот. Его взгляд оставался таким же пустым.

Освальд ещё раз нажал кнопку открытия двери, хотя и знал, что это не работает.

– Подожди, – сказал Освальд. – Как ты вообще всё это делаешь? Ты умеешь водить машину?

Кролик, не ответив, завёл машину и поехал. Он остановился на красный свет, так что Освальд решил, что кролик зрячий и знает, по крайней мере, основные правила дорожного движения.

– Что ты сделал с моим папой? Куда ты меня везёшь?

Освальд слышал панику в своём голосе. Он хотел, чтобы голос звучал сильно и смело, словно он может постоять за себя, но получились скорее испуг и смятение. Именно это он, собственно, и испытывал.

Кролик не ответил.

Машина сделала знакомый правый поворот, потом знакомый левый – в сторону дома Освальда.

– Откуда ты знаешь, где я живу? – резко спросил Освальд.

С прежним безмолвием кролик свернул на подъездную дорожку похожего на маленькое ранчо дома Освальда.

«Я убегу, – подумал Освальд. – Как только эта тварь откроет дверь, я убегу к соседям и позвоню от них в полицию». Щёлкнули замки, и Освальд выскочил из машины.

Кролик каким-то непостижимым образом уже оказался перед ним и схватил за руку. Освальд попытался вырваться,

но хватка оказалась слишком сильной.

Кролик потащил Освальда к двери, потом стащил с его шеи цепочку с ключом, повернул ключ в замке и втолкнул Освальда внутрь. А затем встал у двери, перекрывая выход.

Кошка по кличке Порча вышла в гостиную и, едва увидев кролика, тут же выгнула спину, распушила хвост и зашипела, словно хеллоуинский декоративный кот. Освальд ещё никогда не видел, чтобы она кого-то пугалась или вела себя недружелюбно; сейчас же она, поджав хвост, убежала прочь по коридору. Если уж Порча понимает, что всё плохо, значит, всё действительно плохо.

– Так же нельзя, – со слезами на глазах сказал Освальд кролику. Ему не хотелось плакать. Он хотел выглядеть сильным, но просто не мог сдержаться. – Это... это же похищение, или ещё что-то такое! Мама скоро вернётся домой, она позвонит в полицию!

Это, конечно, было блефом от начала и до конца. Мама вернётся домой только после полуночи. Он вообще будет ещё жив, когда мама вернётся домой? Жив ли ещё папа?

Он понимал, что кролик схватит его, если он попытается убежать к чёрному ходу.

– Я пойду в свою комнату, хорошо? Я не буду пытаться сбежать. Просто пойду в свою комнату.

Освальд отступил на несколько шагов; кролик не мешал. Едва зайдя в свою комнату, Освальд захлопнул дверь и запер её. Сделав несколько глубоких вдохов, он попытался сосре-

доточиться. В комнате есть окно, но оно высоко, да и слишком маленькое, чтобы в него протиснуться. Порча, сидевшая под его кроватью, утробно зарычала.

Освальд услышал, что кролик подошёл к его двери. Если он позвонит по телефону, скорее всего, кролик услышит. Но, может быть, СМС послать получится.

Он достал телефон и дрожащими руками набрал: «Мам, тревога! С папой что-то не так. Срочно вернись домой!»

Уже набирая текст, Освальд понимал, что срочно домой она не вернётся. Поскольку на работе ей приходилось постоянно оказывать неотложную помощь пациентам, иногда она долго не проверяла телефон. Если что-то действительно случилось, Освальд должен был связаться с папой. Но сейчас это, очевидно, не сработает.

Следующий час тянулся ужасно долго; в конце концов телефон Освальда завибрировал. Опасаясь, что кролик по-прежнему подслушивает за запертой дверью, он даже не сказал «Алло».

– Освальд, что происходит? – спросила перепуганная мама. – Мне позвонить 911?

– Не могу сейчас говорить, – прошептал Освальд.

– Я еду домой!

Она повесила трубку.

Пятнадцать минут, казалось, шли ещё дольше, чем предыдущий час. Потом в дверь комнаты Освальда постучали.

Освальд подпрыгнул; к горлу подкатил комок.

– Кто там?

– Это я, – раздражённо ответила мама. – Открывай.

Он приоткрыл дверь на щёлочку, чтобы убедиться, что это действительно мама. Впустив её, он снова закрыл и запер дверь.

– Освальд, объясни мне, что происходит.

Мама обеспокоенно хмурилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.